

Роковая лысина

Александр Кибовский

До того как историко-предметный метод атрибуции получил свое научное признание, главным способом определения персонажей на портретах являлось их «узнавание». То есть картина сравнивалась с другими изображениями, и на основе суждений — похож или не похож — портрету присваивалось новое имя.

Конечно, такой метод имеет много объективных недостатков. Во-первых, сравниваются портреты разных авторов, зачастую совсем не одинаковых по мастерству. Во-вторых, портрет не фотография, хотя даже ее в угоду заказчику ретушируют. Что уж говорить о живописи! Достаточно вспомнить модного художника Чаркова из повести Гоголя «Портрет»:

«Кто хотел Марса, он в лицо совал Марса; кто метил в Байрона, он давал ему байроновское положение и поворот. Коринной ли, Ундиной, Аспазией ли желали быть дамы, он с большой охотой соглашался на все и прибавлял от себя уже всякому вдоволь благообразия, которое, как известно, нигде не подгадит и за что простят иногда художнику и самое несходство». В-третьих, разные люди могут быть похожи, и это отнюдь не ред-

кость. Особенно внутри одной семьи, да и вообще дворянской корпорации, тесно связанной от поколения к поколению династическими браками.

Кроме того, если посмотреть полковые альбомы, популярные в николаевскую эпоху, то многие офицеры покажутся нам на одно лицо — столь одинаковыми их делали мундир, прическа и усы. Кстати, по этой причине некоторые гвардейские гусары из разошедшейся по миру серии акварелей

Михаил Павлович Ланской (ранее считался портретом А. И. Философа). Портрет кисти А. Е. Егорова, 1832–1834 годы. Государственный Русский музей, до революции был в собрании Е. Г. Шварца

Шварц получил уникальное наследство без каталога

Александра Клюндера и по сей день значатся Лермонтовыми.

Разные техники и задачи тоже влияли на образы, которые создавал художник. Одно дело, если он рисовал быструю, воздушную акварель или легкий карандашный росчерк в альбоме, и совсем другое, когда сеанс за сеансом творился помпезный парадный портрет для фамильной галереи в назидание потомкам. И еще не известно, что в итоге оказывалось ближе к внешности заказчика, а что — к его самомнению.

Наконец, даже состоятельные лица могли заказывать свои портреты нечасто, особенно если речь шла о большой станковой картине. Ведь дело это было не из дешевых, даже при разнице цен между художниками. Например, когда в 1827 году появились два знаменитых портрета Пушкина, то находившийся в зените петербургской славы Орест Кипренский получил за свой 1000 рублей, а москвич Василий Тропинин оценил свой труд гораздо скромнее, но тоже недешево — 350 рублей, без малого годовой бюджет титулярного советника Акакия Акакиевича Башмачкина для которого заветной мечтой являлась шинель за 80 целковых. Но все это меркло по сравнению с баснословными гонорарами, которые получали в России заезжие европейские знаменитости.

В результате даже богатые вельможи предпочитали не заказывать новые портреты, а делать копии с понравившегося оригинала. Следующий же авторский портрет если и заказывали, то через определенное время по случаю какого-нибудь важного события — получения ордена или чина, юбилея, выхода в отставку. В результате при сравнении портретов мы, как правило, видим людей в разном возрасте, написанных иногда с интервалом в десятки лет.

Приведенных аргументов, думаю, достаточно, чтобы относиться к иконографической атрибуции очень осторожно. Она, безусловно, полезна, но больше как вспомогательный ресурс, дополняющий выводы остальных методов. Когда же принцип «похож — не похож» начинает доминировать

и брать самодостаточную роль, то это неизбежно приводит к курьезам. Таковой случился при подготовке выставки «Собрание Томиловых-Шварц», которая с большим успехом прошла в начале этого года в Государственном Русском музее.

Камергер Евгений Григорьевич Шварц (1843–1932 (?)) был одним из крупнейших коллекционеров на рубеже XIX–XX веков. Он не только сохранил произведения своего рано умершего брата, известного художника Вячеслава Шварца, но и был дружен с Репиным, Кустодиевым, Дягилевым, Бенуа, Чайковским. Историческую же основу его знаменитой коллекции составило приданое жены Александры, внучки мецената Алексея Романовича Томилова. Его собрание, переданное Шварцем в 1917–1918 годах в Государственный Русский музей, уникально: среди 63 картин, скульптур и тысяч рисунков — произведения Боровиковского, Кипренского, Орловского, Егорова, Варнека, Венецианова, Брюллова и многих других русских художников. Существенная

часть томиловского собрания являлась их дружескими подарками гостеприимному и щедрому хозяину, а большинство портретов запечатлели самого Алексея Романовича, его жену, детей, а также родственников и соседей — Ланских и Философовых. Вот с последними и вышла настоящая путаница, продолжавшаяся более ста лет.

Следует сказать, что, хорошо понимая живопись и придавая значение художественной ценности картин, Томилов семейные портреты, видимо, не рассматривал как самостоятельные произведения. Как бы там ни было, но Шварц получил уникальное наследство без каталога и с весьма приблизительными сведениями, кто есть кто на портретах. Исходя из семейных преданий супруги, он в дальнейшем сам стал определять имена изображенных.

Михаил Павлович Ланской. Рисунок О. А. Кипренского. 1813 год. Государственный Русский музей, до революции был в собрании Е. Г. Шварца

Алексей Илларионович Философов.
Рисунок А. Г. Варнека, 1829 год.
Государственный Русский музей,
до революции был в собрании Е. Г. Шварца

Так пришлось поступить и с портретом генерала кисти знаменитого профессора и академика Алексея Егоровича Егорова, который своим призванием считал религиозную живопись и почти не писал портретов. Тем не менее в 1831 году он выполнил портрет Томилова. Очевидно, что и портрет генерала в его собрании не мог оказаться случайно. Это должен быть кто-то из близких меценату людей. А вот его имя Шварцу пришлось определять самостоятельно. И тут, судя по всему, на его выбор повлияла... лысина генерала. Дело в том что Томилов близко дружил со своим соседом по имению, тоже ценителем искусств, Илларионом Никитичем Философовым. Они даже считались родственниками через своих жен (супруга Томилова доводилась по матери племянницей жене Философова). Сын Иллариона Никитича Алексей участвовал в нескольких войнах, стал генералом и получил известность как воспитатель с 1838 года младших сыновей императора, Николая и Михаила.

Графический портрет Алексея Философова, выполненный Алексан-

Портреты подтверждают, что он довольно быстро полысел

дром Варнеком в 1829 году, тоже находился в коллекции Шварца. И на нем уже видно, как молодой полковник теряет волосы. Поздние его портреты подтверждают, что он довольно быстро полысел и действительно стал очень похож на персонаж кисти Егорова. В результате на обороте холста появилась этикетка «№ 10 Его-

Алексей Илларионович Философов.
Литография по портрету Франца Крюгера,
1840-е годы. Государственный Эрмитаж

ровъ Портретъ генерала Философова Собственности Е. Г. Шварца». С этим определением картина и поступила в Русский музей в 1918 году. С тех пор никаких сомнений идентификация персонажа в силу как семейного провенанса, так и внешней похожести ни у кого не вызывала. Однако незначительные, на первый взгляд, детали вдруг полностью перевернули сложившееся представление.

Первая странность, которая сразу бросается в глаза, — серебряные медали на груди генерала в память Отечественной войны 1812 года и «За взятие Парижа 19 марта 1814». Но Алексей Философов никак не мог участвовать в славных походах против Наполеона, поскольку в то время был еще ребенком и только 22 марта 1818 года закончил Пажеский корпус. Зато у генерала нет медалей за русско-персидскую и русско-турецкую войны, в которых Философов как раз принимал самое активное участие.

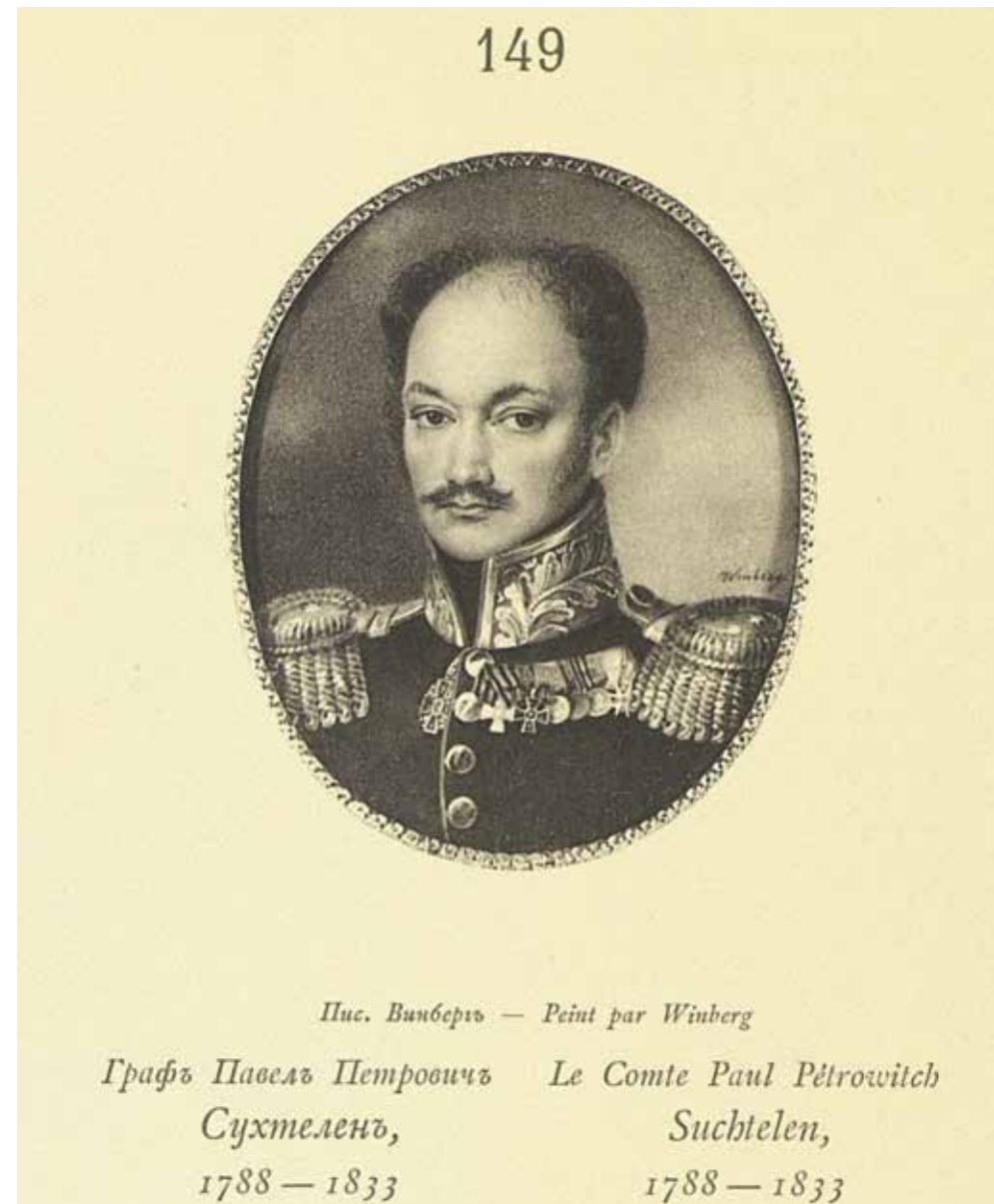
Дальше — больше. По борту вицмундира выпущен польский знак «Virtuti militari» 2-й степени. Такой крест на шею получали те военные, кто участвовал в подавлении Польского восстания 1831 года в генеральских чинах. Философов же стал генералом только 6 декабря 1836 года. Поэтому за Польшу он получил «Virtuti militari» 3-й степени в петлицу. К этому времени он также имел персидский орден Льва и Солнца и французский Почетного легиона. Но их на портрете нет. Зато на правой стороне груди хорошо видна звезда ордена Св. Анны 1-й степени, которую Философов получил только 14 апреля 1845 года, будучи уже генерал-адъютантом. Но соответствующих этому высокому званию вензелей на эполетах и аксельбанта мы на портрете не видим. При этом красный воротник вицмундира и сабля свидетельствуют, что перед нами генерал-майор кавалерии. Философов же числился по артиллерии и вицмундир должен был носить с черным воротником и при шпаге.

В общем, сплошные противоречия. Но кого же тогда запечатлел художник? Ответить на этот вопрос помогает единственная иностранная награда генерала — шведский военный орден Меча. Его оригинальный косой крест на желтой ленте с голубыми каймами белеет в петлице после всех медалей. Сам по себе этот орден не являлся редкостью в русской армии. В 1813–1814 годах союзник России против Наполеона шведский кронпринц Карл Юхан Бернадот (в недавнем прошлом сам наполеоновский маршал, а в недалеком будущем король Швеции и Норвегии) награждал кавалерскими крестами 111 русских офицеров. Но, как это часто бывает, иностранные знаки украсили в основном штабных чинов, адъютантов и командиров частей вверенной кронпринцу Северной армии. Все эти категории еще более щедро награждал и другой союзник — прусский король Фридрих Вильгельм III. В результате практически все русские кавалеры

ордена Меча имели еще и прусский военный орден Pour le Mérite. Тех, кто имел только шведскую награду без других иностранных знаков, не считывались единицы. Ну и, конечно, далеко не все из них прослужили еще минимум 15 лет и стали генерал-майорами кавалерии.

Михаил Павлович Ланской
(ранее считался портретом графа
П.П. Сухтелена). Миниатюра кисти
И.А. Винберга 1830 год.
До революции была в собрании великого
князя Николая Михайловича

При проверке списков генералов, участвовавших в Польской кампании 1831 года, выяснилось, что только один человек имел в точности показанный на портрете набор наград — кавалерист Михаил Павлович Ланской (1788–1834). Он начинал военную службу в лейб-гвардии Егерском полку, боевое крещение получил еще в 1807 году юнкером, когда заслужил солдатского «Егория», а в 1812–1814 годах участвовал в сражениях адъютантом генерала Беннигсена. 8 ноября 1816 года он резко изменил свою стезю и перешел полковником в гусары. В 1818–1826 годах Ланской командовал Иркутским гусарским полком,

а 18 апреля 1826 года был произведен в генерал-майоры и принял командование 1-й бригадой 1-й гусарской дивизии. С ней он активно участвовал в подавлении Польского восстания 1831 года, после чего его перевели на Кавказ. С 20 мая 1833 года он служил военно-окружным начальником в Дагестане, где и умер осенью 1834 года.

Эта находка сразу все расставила по своим местам. Ведь Ланской доводился племянником Алексею Романовичу Томилову! Он был сыном его старшей сводной сестры Александры Михайловны Ханыковой, которая еще в 1783 году вышла замуж за сенатора Павла Сергеевича Ланского. Близкое родство и незначительная разница в возрасте сделали Томилова и младшего Ланского настоящими друзьями. Под влиянием дяди Михаил интересовался живописью и, естественно, тоже был знаком с художниками томиловского круга. Его

Находка сразу все расставила по своим местам

портрет, нарисованный Орестом Кипренским в 1813 году, является хрестоматийным как прекрасный романтический образ героев славной эпохи «грозы двенадцатого года».

Как ни парадоксально, но знаменитый рисунок Кипренского тоже находился в коллекции Шварца! Достаточно одного взгляда, чтобы убедиться в сходстве молодого поручика и заслуженного генерала. Но есть нюанс, который, видимо, всех и дезориентировал. На рисунке Ланской с роскошной гривой вьющихся волос. Глядя на нее, трудно поверить, что через 15 лет от этой роскошной шевелюры останут-

Граф Павел Петрович Сухтелен.
Портрет кисти Дж. Доу. 1819-1820 годы.
Военная галерея Зимнего дворца,
Государственный Эрмитаж

ся только бакенбарды. В результате из-за потери волос Ланской со временем утратил еще и свое имя на живописном портрете. Егоров, видимо, получил заказ на картину в 1832 году, после возвращения Ланского из Польского похода. Но нельзя также исключать, что Томилов заказал портрет, получив известие о смерти Ланского в ноябре 1834 года, на память о близком родственнике и друге.

Атрибуция портрета кисти Егорова помогла неожиданно вернуть имя еще одному произведению. В 1909 году великий князь Николай Михайлович в V томе знаменитого труда «Русские портреты XVIII и XIX столетий» опубликовал миниатюру кисти Ивана Винберга из своего собрания. Лысеющий генерал-майор на ней был подписан как граф Павел Петрович Сухтелен. Но к 1 января 1827 года, когда чины на эполетах стали обозначать звездочками, граф уже являлся генерал-лейтенантом и имел иные ордена, в том числе более высокий орден Св. Владимира 3-й степени. Вероятно, причиной ошибки стало некоторое внешнее сходство генерала с портретом Сухтелена 1819-1820 годов из Военной галереи Зимнего дворца. Тем не менее вся достоверная иконография графа опровергает утрату им шевелюры.

На миниатюре мы видим уже знакомое нам редкое сочетание — шведский орден Меча при отсутствии других иностранных наград. Нужно ли теперь говорить, что на самом деле Винберг изобразил все того же Михаила Павловича Ланского, только чуть раньше Егорова, — судя по всему, в 1830 году. На миниатюре орденов у генерала меньше, зато волос немного больше. В общем, в отличие от первого случая, здесь лысина помогла не потерять, а наоборот, вернуть портрету подлинное имя. ▽

Автор — кандидат исторических наук,
руководитель департамента культуры
города Москвы